

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1861 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1958

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1861 ГОДА

ГОНЕНИЕ ХРИСТИАН ПАПСКИХ ХРИСТИАНАМИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ

В местечке *Клещелях*, Бельского уезда, Гродненской губернии, крестьяне перестали ходить в *полицейскую церковь*. Квартальный священник *Гоголевский* донес об этом дивизионному архиерею *Желяговскому*, но и его бого-полицейское увещание не удалось. Тогда сам гродненский епископ и губернатор *Шнеер* (какого исповедания неизвестно) явился в должности апостола, проповедуя церковь, поддерживаемую розгами и Симашками. Униаты не поддались, честь им и слава; какая бы религия ни была, горе человеку, позволяющему до нее дотрогиваться земским ярыгам и царским холопам. Так как это было перед приездом государя, то преосвященнейший *Шнеер* (неизвестного вероисповедания) замаял дело, отослав *зачинщиков* в духовные съезжи, называемые православными монастырями.

Об этом деле в Бельске производится следствие. Просим убедительно гродненских читателей уведомить нас, каким сечением окончится торжество святых и православных церкви.

**ТИМАШЕВ, СИДИТЕ ДОМА, КАК БЕЙСТ,
НЕ ЕЗДИТЕ, КАК ГЕЙНАУ!**

Будущий граф и настоящий, но не бескорыстный защитник Главного общества железных дорог * патается по Европе, распространяя запах шпионства, застенка, орудий пытки и проч. Говорят, что он был здесь, — много ли видно в щели, хорошо ли слышно за дверьми?

Вот тоже граф, да еще настоящий, граф Гейнау был однажды в Лондоне и, как настоящий немец, сходил на поклонение месту зачатия пива и портера, в Берклееву пивоварию, — и вышел оттуда усом меньше *...

Молодой человек, III отделения человек — да послужит сей *односторонний* пример внушительным назиданием «для собственной вашей пользы», как выражался достойный предслушник ваш Леонтий Васильевич Дубельт. Сидите дома и кланяйтесь от нас Лужину.

Как только заговоришь о шпионах и палачах, так в голову и идет наш добрый, почтенный бидерман, *kreuzbraver* ¹ *Бейст* *. Представьте положение этого почтенного бидермана — король его * служит в австрийских шпионах, ну, ему и приходится играть роль шиндеркнехта. Так, как они в 1849 году выдали нашего Бакунина, так теперь передали графа Телеки в Вену своим господам. *Король-шпион!* Это совершенно новое сочетание должностей. Зачем же Тимашеву в графы, ему уже прямо в короли саксонские.

Какое постоянство в злодействе и какое... терпение у этого немецкого народа — *zu christlich!* ²

¹ безупречный (нем.). — *Ред.*

² чересчур христианское (нем.). — *Ред.*

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

Вслед за сильным бойцом славянизма в России, за *А. С. Хомяковым* *, угас один из сподвижников его, один из ближайших друзей его — *Константин Сергеевич Аксаков* скончался в прошлом месяце.

Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей благородных, неутомимых, что нет этих *противников*, которые были ближе нам многих *своих*. С нелепой силой случайности спорить нечего, у ней нет ни ушей, ни глаз, ее даже и обидеть нельзя, а потому, со слезой и благочестием закрывая крышку их гроба, перейдем к тому, что живо и после них.

Киреевские, Хомяков и Аксаков * — *сделали свое дело*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, — то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей.

С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии.

Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна любовь*, но не *одинакая*.

У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество, — чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или

как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*.

Они всю любовь, всю нежность перенесли на угнетенную мать. У нас, воспитанных вне дома, эта связь ослабла. Мы были на руках французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству в чертах да потому, что ее песни были нам роднее водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ее была слишком тесна. В ее комнатке было нам душно; всё почернелые лица из-за серебряных окладов, всё попы с причетом, пугавшие несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ее вечный плач об утраченном счастье раздирал наше сердце; мы знали, что у ней нет светлых воспоминаний, мы знали и другое — что ее счастье впереди, что под ее сердцем бьется зародыш, — это наш меньший брат, которому мы без чечевицы уступим старшинство *. А пока —

Mutter, Mutter, laß mich gehen,
Schweifen auf den wilden Höhen! *

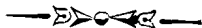
Такова была наша семейная разладица, лет пятнадцать тому назад *. Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считаться нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы их, а потому, что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они в нашей ¹.

¹ Раз только Н. Языков «стегнул» оскорбительно Чаадаева, Грановского и меня. К. Аксаков не вынес этого, он отвечал поэту своей партии резкими стихами в нашу защиту (V «Пол. зв.», стр. 137) *. Аксаков так и остался вечным восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекался, был увлекаем, но всегда был чист сердцем. В 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотели больше встречаться, я как-то шел по улице, К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. «Мне было слишком больно,—

На этой вере друг в друга, на этой общей любви имеем право и мы поклониться их гробам и бросить нашу горсть земли на их покойников с святым желанием, чтоб на могилах их, на могилах наших — расцвела сильно и широко молодая Русь!

1/13 января 1861.

сказал он, — проехать мимо вас и не проститься с вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься». Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в эту минуту ссоры!

СОБСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ О ВЗРЫВЕ «ПЛАСТУНА»

Мы собирались поместить рассказ о том, как чудовищное обращение с матросами довело до умышленного взрыва клипера. Но видя, что «Морской сборник» признался в этом, мы берем официальный рассказ, без комментариев,— все это так гнусно и гадко, особенно сентиментальное мнение аудитории, хранящего драгоценную память казненных матросом злодеев, что комментариев не нужно.

Жаль невинно погибших, а хорошо бы было, если б матросы помогли Константину Николаевичу бросить за борт или поднять на воздух всех этих «затыкающих рты» и морских чудовищ, секущих гардемаринов и стариков с крестами.

В умышленном произведении взрыва никто из чинов команды клипера, кроме артиллерийского кондуктора Федорова, подозрения не изъявил; последний же думает, что учинение взрыва надо отнести к умышленному действию артиллерийского содержателя Савельева. По словам Федорова, Савельев мог быть озлоблен на командира; *обращение с командой вообще было худое, а с Савельевым еще хуже*: его очень часто били как сам командир, так и старший офицер Розенберг; однажды Савельев, по приказанию старшего офицера, за нечистоту в крют-камере был привязан на баке к бушприту, руки назад. Раз ему дали пять линьков за то, что в кубрике, за которым он смотрел, валялась матросская шинель. Федоров тем более полагает об умышленности взрыва со стороны Савельева, что старший офицер велел Савельеву по окончании работ в крют-камере идти на бак и слышал, что приказано было приготовить линьков для наказания его. Савельев же во время работ был заметно выпивши: выпил две чарки рома, а хмельный он был отчаянный и не слушал в то время даже офицеров, но трезвый он был смирный. Пьянствовать начал Савельев по выходе из Николаевска, а в Шербурге купил у матроса Макарова за месяц вперед винную порцию.

Нижние чины, в числе 18 человек, объяснили по сему предмету, что командир и старший офицер, по показанию некоторых из них, *часто, а по объяснению одного — каждый день, били Савельева по лицу, наказывали его линьками, ставили на ванты и сажали на бак*; боцманмат Ларионов сказал, что он, по приказанию начальства, два раза наказывал Савельева линьками. Матрос Алексеев говорит, что перед взрывом старший офицер спросил Савельева, скоро ли он кончит работу, и приказал ему по окончании ее отправиться на бак.

О характере и поведении Савельева нижние чины дали вообще одобрительный отзыв, показывая, что Савельев был человек хороший и даже выпивши не бывал задорным, не спорил и не бранился, а только делался веселее, пил иногда две чарки, но пьянству не предавался; о том же, был ли Савельев выпивши в день взрыва, отозвались незнанием.

Офицеры, как спасшиеся с клипера «Пластун», так и прежде служившие на оном, в числе четырех человек, показали, что Савельев был тихого нрава, но ленив и беспечен, почему ему нередко делали выговоры, сажали на бак, ставили на ванты или на лишнюю вахту, *но не помнят (!), чтобы на вахтах их наказывали его телесно*; пьяным Савельева не замечали, а хотя он и бывал иногда в хмельном виде, но не делался чрез то дерзким; причем мичман Кнорринг прибавил, что он не заметил, чтобы Савельев в день взрыва был в хмельном виде, иначе не отдал бы ключей от крыт-камеры.

Что касается до обращения вообще с командой, то артиллерийский кондуктор Федоров показал, что командир не был любим командой, он обращался жестоко: за всякую малость, если даже *кто плюнет на палубу, давал по сту линьков*.

Однажды старший офицер потребовал уксусу от баталера, и когда тот ответил ему: «Вы не пустили меня на берег без приказания командира, то я без приказания командира не могу вам дать и уксусу», старший офицер подал рапорт командиру, и баталеру дали 328 *линьков*.

Несколько нижних чинов подтвердили, что баталер действительно был наказан при фронте, по показанию одних — за отказ в уксусе старшему офицеру, по показанию других — неизвестно за какую именно вину. При этом один из нижних чинов выразился, что баталер был наказан линьками «порядочно больно», другой — что было дано «*линьков 100*», третий — что «жестоко, по задней части тела», четвертый — «жестоко линьками по голому телу куда попадет», и что баталера сек боцманмат Ларионов.

Боцманмат Ларионов отозвался, что баталера секли, но за какую именно вину и сколько было дано линьков — не помнит.

Два нижних чина показали, что на палубу запрещалось плевать и что матросу Рикорду (погибшему) дали по приказанию командира 100 линьков за то, что тот плюнул на палубу; наказывал Рикорда боцманмат Ларионов.

Ларионов показал, что он приводимого случая не помнит, причем присовокупил, что на палубу плевать не запрещалось; обращение

начальства с командой было хорошее и, насколько ему известно, командира и старшего офицера любили.

Кочегар Ушаков и мичман Березин показали, что обращение начальства с командой было хорошее, последний — что слухи о жестоких телесных наказаниях были *ложны* (хорош мичман Березин!).

Из мнения следственной комиссии.

К заключению же об умышленности взрыва могут приводить следующие факты: Савельев, кроме прямой своей обязанности, исполнял должность палубного и должен был смотреть за порядком в кубрике, на который, по-видимому, командир и старший офицер особенно налегали. Савельев был человек ленивый, беспечный и не совсем трезвый. Строгость же командира и старшего офицера нередко доходила до того, что, кроме телесных наказаний, ставили его на ванты, привязывали к бушприту и били по лицу, так что редкий день мог пройти ему без обид. Понятно, что такая жизнь в продолжение трех лет могла довести человека до отчаяния; перед самым же взрывом старший офицер приказал ему идти на бак для наказания по окончании работы. Савельев же, с некоторого времени предавшийся излишнему употреблению вина и, как должно полагать, в утешение от испытываемых им взысканий, в этот день также выпил двойную порцию рому, и хотя после того прошло уже пять часов, но, работая в душной и тесной крют-камере, доведенный побоями и угрозами до крайности, он, под влиянием предстоявшего наказания, мог, при своей бесхарактерности и малодушии, в минуту досады, решиться положить всему конец, лишив себя жизни вместе со всеми сослуживцами на клипере. Нельзя однако же не заметить, что большинство сослуживцев его отвергает возможность этого умысла, предполагаемого только кондуктором Федоровым.

Из заключения морского генерал-аудиториата.

Следственная комиссия пришла, между прочим, к предположению, что взрыв мог быть произведен умышленно артиллерийским на клипере содержанием кондуктором Савельевым...

Нельзя не прийти к убеждению, что человек *не с злодейскими наклонностями* может решиться на подобное злое дело не иначе, как в минуту совершенного опьянения, доходящего до самозабвения, или как в порыве яростного умоисступления, затмевающего всякое сознание о своем действии, но ничто в настоящем деле не дает повода к предположению, чтобы кондуктор Савельев находился в таком состоянии. Федоров говорит, что Савельев предавался вообще пьянству, а в день взрыва выпил две чарки рому и мог быть в опьянении, но из дела оказывается, что Савельев занимался уже в крют-камере работами более двух часов, а само собою разумеется, что если бы он был в нетрезвом виде, то не могли бы не заметить сего старший офицер и исправлявший обязанности ревизора мичман Леман и не оставили бы его при тех занятиях; далее Федоров показывает, что Савельев, бывавши пьян, становился отчаян-

ным, но слова эти опровергаются показаниями как офицеров, так и всех других нижних чинов, утверждающих, что Савельев был нрава тихого, кроткого и никогда не доходил до буйственности, даже когда бывал и в пьяном состоянии; наконец, все без изъятия нижние чины, спрошенные по поводу объявленного Федоровым подозрения, не допускают решительно возможности умысла в сем случае от Савельева. При таком отсутствии *всякой причины* к подозрению Савельева ¹ в умышленном взрыве и при отсутствии какого-либо указания на подобное намерение со стороны его, морской генерал-аудиториат, имея в виду, что не только участие подсудимого, но и память умершего человека должны *быть дороги для судящих* ², положил: устранить всякое подозрение на погибшего кондуктора Савельева в учинении умышленного взрыва. Тем не менее важность сего подозрения обязывает вникнуть в самые причины, по коим могло возродиться оное, и в этом отношении морской генерал-аудиториат не может не обратить особенного внимания на следующие слова из заключения следственной комиссии: «Строгость командира и старшего офицера нередко доходили до того, что, кроме телесных наказаний, ставили Савельева на ванты, привязывали к бушприту и били по лицу, так что редкий день мог пройти ему без обид». Действительно, из дела обнаруживается, что обращение командовавшего клипером и старшего офицера с командой вообще, а с кондуктором Савельевым в особенности, не отличалось человеческою обходительностью и, сопровождаясь превышением власти, заслуживает всякого порицания. Так, из совокупности показаний надо заключить, что командовавший клипером и старший офицер считали побои своими руками делом обыкновенным, тогда как подобное взыскание не только не дозволяется положением об исправительных наказаниях, но в виду достоинства службы, в виду собственного достоинства офицеров и в предупреждение дурных последствий строго воспрещается начальством, и никогда флотский офицер, истинно понимающий начальнический свой долг, не должен обращаться к подобному способу излияния своего неудовольствия; так, независимо от побоев кондуктора Савельева по лицу, часто повторявшихся, он был подвергаем и наказанию линьками, и поставлению на ванты, тогда как унтер-офицерское звание его и возложенные на него обязанности артиллерийского содержателя, каковая должность требует непременно для усердного исполнения оной некоторого нравственного поощрения человека, обязывали командовавшего клипером не допускать какого бы то ни было унижения Савельева в глазах всей команды; так, наконец, приводимый Федоровым пример о даче баталеру 328 линьков, подтверждаемый и другими нижними чинами, показавшими, что наказан был он линьками жестоко, свидетельствует о противозаконных действиях командовавшего клипером в обращении с нижними чинами. В сих-то причинах, могших поселить нелюбовь и

¹ А то, что подорванные мерзавцы его мучили всякий день — это не причина? Что это глупость или укрывательство?

² Какой сентиментальный аудиториат — а спина и лицо живого человека не должны быть дороги.

неприятные чувства в нижних чинах к командовавшему клипером и старшему офицеру, и заключается, по мнению морского генерал-аудиториата, объяснение того, почему появилась мысль о возможности умышленного взрыва со стороны кондуктора Савельева.

По всем вышеизложенным основаниям морской генерал-аудиториат полагал гибель клипера «Пластун» отнести к несчастию по неосторожности по содержанию артиллерийской части.

Ну и как следует — «быть по сему», а потом детские игры с колпачками, перышками, угольками *, в которых участвовали *Панфилов, Бутаков, Мещеряков, Керн, Мартов, Штофреген и Римский-Корсаков.*

